Грамматика языка и грамматика концепта

Хохряков Вадим Вадимович
студент
РГПУ им.А.И.Герцена, Санкт–Петербург, Россия
email: vokairhoh@mail.ru

Концепты субстантивны по своей природе. Так, единственный глагол–исключение в словаре концептов Ю.С. Степанова – «быть». Предикативы, напротив, противостоят концептуальности. Косвенно это опять-таки доказывают лингвистические исследования [Вежбицкая 2001; Вежбицкая 2001а].

С одной стороны, школа Вежбицкой выделяет базовые, концептуально далее не членимые понятия, – значительную часть которых составляют различного рода (ментальные, действия, обладания и т.д.) *предикаты* (например, «делать», «двигаться», «иметь», «жить», видеть и т.д.) С другой стороны, объект исследования А. Вежбицкой – этноспецифические, не поддающиеся полному тождественному переводу на другие языки, и вместе с тем значимые для конкретного языка «ключевые слова», с помощью которых А. Вежбицкая пытается выйти к пониманию конкретных культур в их специфичности. «Дружба», «friend» и «friendship», «mate» и «mateship», «свобода», «воля», «wolnosc», «freedom», «liberty», «грусть», «гнев», «anger», «Angst», описываемые Вежбицкой – всё это имена, субстантивы.

Глагольное слово противостоит концептуальности, – с одной стороны из-за глубинного универсализма базовых предикативных значений, с другой стороны, по самой своей функции. Предикатив не именует, не представляет, не обобщает – он передает, сообщает.

Противостояние субстантивного и предикативного начал демонстрируют не только лингвистические исследования. В.Я. Пропп на материале волшебной сказки выделяет ограниченный набор универсальных функций-предикатов. И в то же время очевидно, что ряд образов волшебной сказки (концептуальных субстантивов) – потенциально ничем не ограничен, подвержен изменениям во времени.

В русском языке грамматическая семантика глагола – куда более тонкая, разветвленная и сложная, чем грамматическая семантика имени. Если в имени грамматический аспект в большинстве случаев формален, служит для оформления связи между словами (категория падежа существительных и прилагательных, род прилагательных) и реже – для выражения специфического значения (категория числа), то в глаголе грамматический аспект – насквозь семантичен. Время, вид, лицо, число, наклонение, способ глагольного действия – все эти категории, наслаиваясь друг на друга, формируют семантику глагольного слова.

Выражаясь категорично, лексика языка – это в первую очередь имя, грамматика языка – это в первую очередь глагол. Имена – это мир, глаголы – это факты. Для глагола, указывающего на действие в прошлом или будущем (недоступное наблюдению) важно максимально конкретное указание на характер этого действия (или значимое отсутствие этой конкретики). Для имени, указывающего на предмет (явление или признак), недоступный наблюдению, важно, в первую очередь, создание общего представления о нем. Для имени, указывающего на предмет (явление или признак), доступный наблюдению, *достаточно* (ввиду наличия дейктических слов) создания общего представления о нем.

Известно, что соотношение имени и глагола в различных языках – различно. Отмеченное А.А. Потебнейдвижение русского языка в сторону глагольности мы можем соотнести с меняющимися в русской культуре оценками созерцательного и деятельного начала, с переходом от созерцательного к деятельностному идеалу.

Концепты характеризуются в целом свойствами относительной стабильности (не исключающей динамического развития, пульсации и т.д.) и самостоятельности, то есть самоценности; аксиоматичности. Прототипические концепты – это слова-синтагмы; слова-микронарративы. Слова «любовь», «победа», «вера» – имплицитно уже содержат в себе субъект, объект, предикат. Это слова-ситуации, воссоздающие определенную из сторон жизни. «Окукливание» – это такой же концепт, но значительно менее развитый. Концептуализируется прежде всего то, что ближе к человеку. Однако любая лексема получает определенный потенциал концептуального переосмысления в процессе коммуникации (в частности, художественной), становясь частью текста и – шире – дискурса («Когда–нибудь мы все окуклимся…»).

Ю.С. Степанов выделяет два типа концептов: «понятия с плотным ядром» и «рамочные понятия» [Степанов 2001]. Однако, по-видимому, вся совокупность лексем может быть представлена по степени концептуализирующей силы в виде схематического поля. Центр его составят своеобразные «концептуальные сгустки»: в высшей степени автономные слова–представления (например, «вера», «любовь», «закон», – «понятия с плотным ядром» по классификации Ю.С. Степанова). Далее следуют концепты с меньшей степенью автономности (соотносимые с «рамочными понятиями» Ю.С. Степанова вроде «цивилизация», «интеллигенция»). В качестве примера приведем лексему «мещанство». Это (по сравнению, например, с «верой») уже в меньшей степени субстантив и в большей степени атрибутивная категория, служащая для определения того или иного субъекта. На границе нашего участка «чистых концептов» будут субстантивированные атрибутивные категории (например, «пошлость»). «Пошлость» – это, в строгом понимании, не концепт, но атрибутивная категория, обладающая своим концептуальным содержанием.

Лексема «пошлый» и её дериваты не обладают подлинной самостоятельностью, автономностью субстантивов. «Пошлость» – это признаковое слово, это оценочная категория, служащая, как правило, для определения какого–либо субъекта. Грамматическая субстантивация – это, несомненно, знак

концептуализации, знак оформления представления. Но субстантивированное слово хранит память о своей категориальной природе. Лексема «пошлость» – результат субстантивации отглагольного прилагательного («пошлый» – от глагола «идти»), и она хранит в себе память о своей исходной определительной, определяющей функции и о внутренней мотивированности действием.

Мы можем разграничить уровень базовой когниции и уровень последующей концептуализации. Первый, дающий знание о факте, – осуществляется средствами синтаксиса, предикации (первостепенное значение здесь имеют глагольные слова). Второй, соотносимый со знанием о мире, отсылающий к «картине мира», – лежит в сфере лексики (причём наибольшая нагрузка приходится на субстантивы, в числе которых и «базовые концепты» [Степанов 2001] и «ключевые идеи» [Шмелев 2005]). Именно субстантивная часть, содержащаяся в каждом из слов, и отсылает нас к концепту, то есть стоящей за словом системе представлений. Слово всегда может быть соотнесено с каким-либо из представлений, и в слове всегда присутствует субстантивное начало.

Литература

Вежбицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов. М., 2001.

Вежбицкая А. Сопоставление культур через посредство лексики и прагматики. М., 2001.

Зализняк А.А., Левонтина И.Б., Шмелев А.Д. Ключевые идеи русской языковой картины мира. М., 2005.

Кубрякова Е.С. Язык и знание. М., 2004.

Степанов Ю.С. Константы: словарь русской культуры. М., 2001.